

ГЛАВЫ ИЗ ПУШКИНСКОГО РОМАНА.
«ПОСЛЕДНИЙ ТЕКСТ» И «ШПАГА
ЩЕКОТЛИВОГО ДВОРЯНИНА» АНДРЕЯ
БИТОВА – КУЛЬТОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
И ПОЭТИКА ТЕКСТА

© 2017 г. Ж. Калавски

*Институт Литературоведения
Венгерской Академии Наук,
Будапешт, Венгрия*

Дата поступления статьи: 02 февраля 2017 г.

Дата публикации: 25 сентября 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-3-150-165

Статья выполнена при поддержке
гранта Яноша Бояи Венгерской Академии Наук

Аннотация: В данной статье сделана попытка проследить и показать, как в эссе Андрея Битова «Последний текст» и «Шпага щекотливого дворянина» конструируется культ Пушкина, как в этих текстах работают культовые механизмы, включая специфические риторические формулы. В то же время такой подход отнюдь не предполагает догматического отношения к Пушкину и прескриптивной, «единственно верной» точки зрения на его наследие. Как раз наоборот: тексты Битова сохраняют присущие им признаки открытости, диалогичности, обращенности к читателю. Конечно, нас интересует в первую очередь то, как «встречается» научный подход, исследование в истории рецепции этого пушкинского произведения с другим, писательским подходом Битова, но на этот раз самым интересным, с нашей точки зрения, является то, как Битов излагает свою концепцию по этой теме. Он пишет эссе, в которых не высказывает что-то, а внушает, подсказывает, дает одну интерпретацию так, что при этом не исключает другую. Таким образом, в статье анализируется, как построен и как функционирует текст Битова.

Ключевые слова: Александр Пушкин, Андрей Битов, литературный культ, интертекстуальность, поэтический анализ.

Информация об авторе: Жофия Калавски – PhD, научный сотрудник, Институт Литературоведения Венгерской Академии Наук, 1118 Budapest, Ménesi út 11-13, Budapest, Hungary.

E-mail: kalavszky.zsafia@btk.mta.hu

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

CHAPTERS FROM PUSHKIN'S NOVEL.
CULTIC MECHANISMS AND TEXTUAL
POETICS OF "THE LAST TEXT" AND THE
SWORD OF "THE SENSITIVE NOBLEMAN"
BY ANDREY BITOV

© 2017. Z. Kalavszky
*Institute for Literary Studies, Hungarian Academy
of Sciences,
Budapest, Hungary*
Received: February 02, 2017
Date of publication: September 25, 2017

Acknowledgments: This essay was supported by Bolyai János Research Scholarship of the Hungarian Academy of Sciences.

Abstract: This study aims to trace and demonstrate the construction of Pushkin cult in two essays by Andrey Bitov, "The Last Text" and "The Sword of the Sensitive Nobleman." It examines how cultic mechanisms including specific rhetoric formulas operate in both texts. Bitov's cultic approach, however, does not imply dogmatic attitude to Pushkin nor requires a prescriptive attitude to his heritage. Quite on the contrary: Bitov's texts are as always open, dialogical, and openly address themselves to the reader. I am interested primarily in the points of convergence between Bitov's scholarly approach to Pushkin's work, e.g. his study of the Pushkin's reception history, on the one hand, and his literary position, on the other; yet at the same time, I find most interesting the way he expresses his concept. He writes an essay where he suggests something rather than states it, prompts, hints, offers one interpretation the way that does not exclude an entirely different one. Thus, this article examines how Bitov's text is constructed and how it functions.

Keywords: Alexander Pushkin, Andrey Bitov, literary cult, intertextuality, poetic analysis.

Information about the author: Zsófia Kalavszky, Research Fellow at the Institute for Literary Studies, Hungarian Academy of Sciences, 1118 Budapest, Ménesi út 11-13, Budapest, Hungary.

E-mail: kalavszky.zsafia@btk.mta.hu

I

В конце 2014 г. вышло в свет новое расширенное издание так называемых пушкинских произведений Андрея Битова. По поводу этого автор сказал: «*Пушкинский дом — Пушкинский том*, одну букву заменил, а вся жизнь прошла»¹. Возникает ряд вопросов: что значит *акт замены буквы* в текстовом универсуме Битова? Можно ли назвать этот авторефлексивный жест автоописательным жестом битовской поэтики текста? И еще: что же происходило в этот период между двумя датами (1964 и 2014), т. е. между двумя текстовыми корпусами? Этот вопрос скрыто предполагает, что мы рассматриваем отдельные единицы «Пушкинского тома» как единство. Можно ли интерпретировать как взаимосвязанное целое «Пушкинский том»? И в какой мере переосмысляется сейчас как единое целое создаваемая на протяжении последних 50 лет битовская пушкиниана, собранная в один сборник? Можно ли называть «Пушкинский том» романом, расширяя до крайности рамки жанра *романа*? И наконец: не будет ли более продуктивным, если мы займемся рассмотрением понимаемой не в самом строгом смысле жанровой категории, а осмелимся предположить рождение какого-то *имагинарного пушкинского романа* в «Пушкинском томе»?

Ответы на поставленные нами выше вопросы во всяком случае требуют нескольких объемных сопоставительных исследований, статей. Но в настоящей работе мы задались целью представить только один из возможных подходов к осмыслению «Пушкинского тома». На наш взгляд, получен-

¹ Битова цитирует Новая Газета: [4].

ные в результате проведенного анализа опыт и выводы, в том числе и метод анализа, можно будет распространить если и не на целый текст «Пушкинского тома», то хотя бы на содержащуюся в нем эссеистику.

Этот анализ мы намерены провести в аспекте, который, как нам кажется, в научной литературе о поэтике пушкинских текстов Битова является периферическим. Мы попытаемся проследить и показать в одной выделенной части «Пушкинского тома», как (культовое) отношение к Пушкину, механизмы культового обращения, в том числе риторические формулы, выражающие культовое отношение, могут одновременно функционировать в тексте Битова таким образом, что сам текст остается культовым, но при этом не позволяет прескриптивного осмысления, прочтения текста, и даже сам он не становится однозначным, хотя все перечисленные эти признаки считаются в научной литературе основными признаками культовых текстов². Как раз наоборот: текст и тексты Битова сохраняют присущие им признаки открытости, диалогичности, обращенности к читателю. То есть в итоге нашего анализа мы приходим к описанию поэтики битовского текста.

Известно, что Битов, рядом с другими современными русскими писателями и писателями XX в. (см. так называемые «пушкинские тексты» Андрея Синявского, Сергея Довлатова, Михаила Эпштейна или Татьяны Толстой), в романе «Пушкинский дом», в повести «Фотография Пушкина» и в своей эссеистике неким способом тематизирует культовые жесты, направленные на Пушкина³. Битов или с помощью иронии, или с помощью пародии, или средствами деконструкции, или просто описательным образом выделяет или анализирует ритуальные эпизоды культа Пушкина или же характеризует

2 Исследование феномена литературного культа является относительно новой междисциплинарной исследовательской перспективой в области литературоведения и культурологии. Исследования по этой теме публиковались венгерскими, финскими и российскими учеными. Среди них следует особо выделить труды Петера Давидхази, академика Венгерской Академии Наук, основоположника исследования феномена литературного культа в Венгрии [13; 14]; совместный сборник финских и венгерских исследователей [12] и сборник научных трудов российских литературоведов, социологов, историков и философов [7]. О различных употреблениях и значениях терминов «литературный культ», «культовый текст» в русской и в венгерской научной литературе см. рецензию на книгу «Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель» [19].

3 О культе Пушкина, который тематизируется в прозе Довлатова см.: [6]; в псевдонаучной работе Эпштейна см.: [16]; в романе Татьяны Толстой см.: [15]; в прозе Битова см.: [17; 18].

риторическую сторону этого явления, перечисляя и интерпретируя постоянно повторяемые культовые выражения, словосочетания и темы. На этот раз из множества таких тем мы останавливаемся на одной: это *последний текст как выделенный объект культового обращения/отношения*.

2

В цикле-эссе Битова «Предположение жить. 1836. Воспоминание о Пушкине» (этот цикл входит в книгу «Предположение жить. 1836. Воспоминание о Пушкине» (1999), в книгу «Моление о чаше. Последний Пушкин» (2007) и в «Пушкинский том» (2014)) «вопрос о том, какой пушкинский текст является *последним текстом?*» — со своим взаимосвязанным вопросом о «законченности» Пушкина «проходит красной нитью»⁴. При этом общеизвестно, что Битова уже очень рано начал интересоваться вопросом о возможной *целостности* творчества Пушкина. В одном интервью 2005 г. он высказывается по этому поводу следующим образом:

Российская Газета: Не боитесь пушкинистов?

Битов: Я по неграмотности пушкинистику не читал, пользовался только компилятивной книгой Вересаева и академическим изданием Пушкина. Но если вы подряд расставите все черновики, письма, стихи, прозу и статьи Пушкина, то начнёт вычитываться то, что Пушкин скрывал. Он ведь не в наше время жил, когда всё тайное вываливается наружу. Я начал с последнего слова, им оказалось слово «Пушкин». А кончил первым — «к Наталье». Получилось: «к Наталье — Пушкин».

РГ: Пушкин как единый текст?

Битов: Да, в случае гения идея единого текста срабатывает. Хронологическое прочитывание всего, включая записки, письма, долговые расписки, оконченные и неоконченные варианты, создаёт картину живого процесса [10].

4 «Вопрос о том, ВСЕ ли сделал Пушкин и, когда он сделал ВСЕ, закончен ли его путь, его назначение ещё при жизни, не есть ли эта свершённость глубинная причина его гибели, ибо уход неизбежен <...> до сих пор возникает» [2, с. 14]; «Важно это становится все больше и больше, когда мы приближаемся к концу, к последним вещам, написанным поэтом. И чем больше к концу, тем важнее. Потому что, хотим или не хотим мы этого, психология наша такова, что то, что ближе к смерти, мы неизбежно нагружаем все тем же ЗАВЕЩАНИЕМ. Мы исподволь воспринимаем последнее слово поэта как последнее, что он нам хотел сказать» [2, с. 17]; «В поисках завещания мы приходим к проблеме воскрешения (чтобы спросить...)» [2, с. 20].

В этих словах улавливается такая писательско-филологическая точка зрения на пушкинский текстовый корпус, которая рассматривает пушкинское творчество как единый текст-калейдоскоп. Считаю важным отметить, что вопреки плюрализму калейдоскопа Битов выделяет временную упорядоченность как основной организующий принцип. Он подчеркивает равноценность и плюрализм каждого написанного текста, текстового отрывка, а это значит также, что он говорит о единстве и взаимном переплетении творчества и судьбы, текста и биографии. Битов в жанре эссе в вольном, непринужденном тоне открывает читателю тот сверхинтересный, исследовательский процесс, в котором он выстраивает в один ряд пушкинские письма, записки, черновики, появившиеся во время, до или после литературных произведений, и показывает нам то, как он их сопоставляет друг с другом. Он указывает на то, как жизнь пронизывает литературные произведения или как тексты вырастают из этой текстовой ткани. Битов распространяет свое исследование на все сохранившиеся рукописи Пушкина, и из этого исследования рождаются новые тексты.

Битов в первых двух эссе цикла «Предположение жить. 1836. Воспоминание о Пушкине» настаивает на том, чтобы мы переосмыслили следующее: действительно ли, согласно пушкиноведам, написанное Пушкиным редакторское письмо детской писательнице Александре Ишимовой является *последним текстом* Пушкина перед дуэлью и смертью и можно ли считать это письмо каким-то *завещанием* поэта? Можно ли на творчество поэта смотреть как на *замкнутое*, заверщенное целое, которое замыкается последним текстом? А также: какое законченное *художественное* произведение Пушкина является *последним*?

Битов считает, что Пушкин, творчество которого всю жизнь характеризовала многотональность, диалогичность, множество жанров, и осенью, и зимой 1836–1837 гг., как и прежде, продолжал работать в разных творческих направлениях. Он всегда мыслил вариациями, несколькими возможностями, в последние месяцы жизни его также характеризует плюралистическое мышление⁵. Он же утверждает и то, что, если внимательно прочитать

5 «Но чем больше я не могу понять, зачем же он написал эту внезапную редакционную записку в конце пути, тем больше осознаю, что сам Пушкин отнюдь не склонен был превратить своё творчество в замкнутую систему, что перед лицом Судьбы он оставил свой контур разомкнутым, прекрасно сознавая, что делает» [2, с. 32].

все последние тексты поэта, окажется, что последним художественным (!) законченным текстом, датированным 1837 г., является «статья» «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», которую поэт написал для своего журнала «Современник». Эта «статья» была опубликована только посмертно. Но, продолжает Битов, эта статья не только является псевдостатьей, здесь, по словам В. Ходасевича, «Пушкин (и на этот раз) насквозь автобиографичен» [11].

3

Пушкин пишет свою статью, опираясь на корреспонденцию английского журнала Morning Chronicle. Английский журналист информирует читателей о том, что в 1836 г. умер некий дворянин, господин Дюлис, среди бумаг которого нашли автографное письмо, написанное его отцом Вольтеру. Дюлис-отец в возмущенном тоне пишет французскому писателю о том, что он в 1767 г. приобрел и прочитал произведение Вольтера «Орлеанская девственница», и он, как свойственник Жанны д'Арк, протестует против «грубых ошибок», которые относятся в том числе и к Орлеанской девственнице. «А посему, не только я полагаю себя в праве, но даже и ставлю себе в непремennую обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы» [8]. Дюлис-отец в конце письма вызывает Вольтера на дуэль. Пушкин публикует и ответное письмо Вольтера, в котором последний, ссылаясь на свою слабость, старость и болезнь, хочет избежать поединка и даже отказывается от авторства своего произведения, от сатирической пародийной поэмы. Статья Пушкина заканчивается цитированием слов английского журналиста. В этом послесловии журналист в довольно патетическом и раздраженном тоне воздает должное Дюлису, защитив его честь от интриги французского дворянства и циничного Вольтера. «Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и M-me Joffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! Жалкий народ!» [8].

Битов направляет внимание на то, что, если эту «статью» сопоставить с той перепиской, которую Пушкин в последние свои месяцы ведет с бароном Геккерном, Бенкендорфом и Жуковским, проясняется, что история и конфликт между Вольтером и Дюлисом по поводу Жанны д'Арк, т. е. по поводу поэмы «Орлеанская девственница», собственно является историей конфликта между Геккерном, Дантесом и Пушкиным по поводу Натальи Пушкиной и анонимного диплома «Патент на звание рогоносца». То есть псевдостатья есть не что иное, как пушкинская интерпретация, в которой зашифрованы автобиографические события жизни Пушкина, глубоко затронутые *честь* и *достоинство* поэта. По мнению Битова, эту псевдостатью по количеству участвующих в ней героев и по качеству и характеру конфликта можно отнести к жанру «маленьких трагедий» Пушкина.

В начале 1980-х гг., когда Битов изложил свою концепцию, еще не было в пушкинистике доступного серьезного исследования по этой теме. «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» в 1949 г. в 12 томе Академического издания «Полного собрания сочинений Пушкина в 16 томах» было опубликовано в разделе *Критика и публицистика. Статьи и заметки*. Из научной статьи 2008 г. «Как понимать мистификацию Пушкина *Последний из свойственников Иоанны д'Арк*» Александра Долинина, который суммирует современные результаты исследования, выясняется, что до 1920-х гг. никто даже не подозревал, что это *пастиш* [5]. Потом нашли дневники Александра Тургенева — он был единственным, кому Пушкин показал свой текст прижизненно. Слова Тургенева считаются первыми намеками на мистификацию, но в 1937 г. даже Борис Томашевский только догадывался о том, мистификация это или литературное произведение. (А. Долинин детально описывает историю отношения исследователей-пушкинистов к пушкинской статье, см.: [5, с. 197–199].) Впервые Анна Ахматова настаивала на том, что на заднем плане этой статьи могут стоять отношения Пушкина и Дантеса. Несмотря на статью Дмитрия Благого, опубликованную в 1970-е гг., надо было ждать до 2000-х гг., чтобы пушкинистика проявила серьезный интерес к пушкинской псевдостатье. Среди трудов Т. Биньона, И. Сураг, С. Бочарова, В. Сайтанова, С. Фомичева, С. Абрамовича в основополагающей работе Александра Долинина по этой теме в рецепции пушкинской «статьи» важное место отводится эссе Битова [5, с. 198].

Конечно, нас интересует в первую очередь то, как «встречается» научный подход, исследование в истории рецепции этого пушкинского произведения с другим, писательским подходом Битова, но на этот раз самым интересным, с нашей точки зрения, является то, как Битов *излагает* свою концепцию по этой теме. Он пишет эссе, в котором не высказывает *что-то*, а внушает, подсказывает, дает одну интерпретацию так, что при этом не исключает другую. То есть мы пришли к самому важному вопросу: как построен и как функционирует текст Битова?

4

Анализируемое нами битовское эссе характеризует следующий признак: оно конструирует и тематизирует то фиктивное коммуникативное и «реципирующее» / «воспринимающее» пространство, в котором оно зарождается и читается. Эссе «Шпага щекотливого дворянина» в сущности является непосредственным продолжением эссе, стоящего перед ним в цикле («Последний текст»), в котором автор размышляет о том, как можно понять написанное Пушкиным редакторское письмо детской писательнице Ишимовой. Эссе «Шпага щекотливого дворянина» начинается с того, что нарратор в полном недоумении обращается к нам, читателям: после того как он опубликовал свое предыдущее эссе («Последний текст»), он получил два читательских письма. (Начинается игра-мистификация, игра с фиктивными корреспондентами, письмами.) Авторы писем не согласны с рассуждениями Битова. Один из них заявляет, что последним произведением Пушкина является незавершенная статья «Песнь о полку Игореве», а другой хотя и не называет, какое, по его мнению, *художественное* произведение Пушкина можно считать последним, но возмущен до крайности. Он утверждает, что Битов *оклеветал* Пушкина. Битов это письмо полностью публикует в эссе.

Битов-писатель письменно интерпретирует *что-то*, а эта концепция, по мнению одного читателя, *оскорбляет* Пушкина, и поэтому этот читатель пишет *письмо в защиту* Пушкина и в сущности *вызывает на дуэль* писателя-Битова. Но это эпистолярная *дуэль не состоится*, потому что читатель-корреспондент не указывает свой обратный адрес. Литературная игра следующая: Битова оклеветали, но у него нет возможности объясниться, защищать себя и свою концепцию *в обратном письме*: для того что-

бы у него была возможность отстаивать свою точку зрения, он принужден написать *эссе*.

Писатель, текст, читатель, письмо, клевета, защита, вызов на дуэль, несостоявшаяся дуэль и новый текст — перед нами в битовском эссе структуральная, нарративная репродукция двухчленного событийного ряда. Первым составным элементом этого является (по Битову) сложная жизненная ситуация Пушкина, которая обострилась по поводу анонимного диплома «Патент на звание рогоносца», авторство которого Пушкин приписывал барону Геккерну, и вследствие которого Пушкин в защиту своей чести вызвал его на дуэль. Вторым составным элементом этого ряда является псевдостатья Пушкина относительно «Орлеанской девственницы» Вольтера. Этот текст, в котором в защиту Жанны д'Арк выступает его свойственник Дюлис и вызывает на дуэль Вольтера, по Битову, можно читать как пушкинскую интерпретацию своей жизненной ситуации и как объяснение потомкам. И этот «ряд», эта комплексная игра между жизненной и текстовой действительностью, бытием отражается в битовском эссе, которое строится как сложный метатекст. Родается *текст* (анонимный или от авторства которого отреклись), в этом тексте кого-то *оклеветали*, и «реальный» или мнимый свойственник оклеветанного в своем *письме* требует удовлетворения. Этому могла бы послужить *дуэль*, но она по определенным причинам не может состояться. У Дюлиса нет возможности драться на шпагах с Вольтером из-за трусости французского писателя, у Пушкина нет возможности требовать удовлетворения у барона Геккерна, потому что он выходит из конфликта таким образом, что Дантес договаривается о заключении брака с сестрой жены Пушкина, а «прием» Битова в следующем: он «не знает» адреса своего корреспондента, подписывающегося под именем д'Аш.

Пушкин «выпускает на сцену» английского журналиста, который спустя 60 лет после случившегося пишет об истории конфликта Вольтера — Дюлиса, выясняет ситуацию и защищает достоинство и честь Жанны д'Арк и ее свойственника. А Пушкин, согласно концепции Битова, пишет свою псевдостатью «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», где излагает свою версию о подлом поведении барона Геккерна, Дантеса и о развратности участвующего в этой игре «высшего света». Битов же пишет свое эссе «Шпага щекотливого дворянина», в котором путем ввода в свой текст фиктивных корреспондентов и публикации их писем в диалогической форме

излагает множество вариаций, интерпретаций последних месяцев жизни поэта и последних художественных произведений Пушкина.

5

У Битова сама речь, сам письменный акт и процесс относительно пушкинского текстового события становятся текстовым событием. Битов приближается к тексту и к жизни Пушкина со стороны текстов, он уделяет особое внимание пушкинским текстовым играм, языковым играм. Его цель состоит в том, чтобы найти ту языковую игру, которая больше всего отражает пушкинскую языковую игру.

Пушкин в русскоязычной псевдостатье делает имитации-переводы, ведь он «переводит» письма Вольтера и Дюлиса с французского, а послесловие — с английского языка. Не ускользает от внимания Битова этот прием, который влияет на смысл, на интерпретацию. Он эту игру перевода-искажения тоже пускает в действие, но у него передача значений происходит не между языками, у него значения теряются или искажаются между *оригиналом и копией*. Он повторяет прием посредничества в метафорично-технической форме связи с письмом его так называемого второго корреспондента — д'Аша. Самым хорошим примером этого является то, что в одной ссылке к тексту он сообщает читателю о том, что д'Аш послал не оригинал, а копию письма: «...доказательством чего явилась как раз последняя страница, *размашисто подписанная "д'Аш"*» (курсивы мои. — Ж.К.) [2, с. 35]. Намек на небрежную, неаккуратную — может быть и неразборчивую — подпись корреспондента в контексте того, что анонимность и проблематизация (отречение от) авторства текстов и в жизненной истории Пушкина, и в его псевдостатье являются очень важными, открывает возможность игры с именем и у Битова: рукописная подпись *д'Аш* может быть прочитана из плохо различимых букв фамилии *д'Арк*-а и одновременно может намекать на фамилию *д'Аршиак* (он был секундантом Дантеса), но во всяком случае мы стоим перед деперсонализированным приемом и постгуманной перспективой.

Но само письмо, полный текст фиктивного корреспондента, как и, конечно, псевдостатья Пушкина, содержит множество скрытых намеков, следов, которые призывают читателя задуматься и внимательно *читать*, ведь, по мнению Битова, псевдостатья Пушкина оставалась без отклика более века, потому что она оставалась *непрочитанной* в своем контексте.

Фиктивное письмо д'Аша, однозначной функцией которого в тексте Битова является создание диалогичности благодаря разрушению одноглаголия авторского слова, представляет собой текстовый монтаж. Без указания на первоисточники, в нем фигурируют отрывки из пьесы Л. Толстого «Живой труп», из псевдостатьи Пушкина, из письма Пушкина к барону Геккерну от 17–21 ноября 1836 г. и из Евангелия от Матфея.

Структура письма, которое представляет собой текст в тексте, функционирует как *mise en abyme* и с помощью процитированных в нем интертекстов повторяет, репрезентирует тот сюжет, который переосмысляет последние месяцы Пушкина.

В центре драмы Толстого — любовный треугольник: муж, жена и любовник жены. В процитированном отрывке мы оказываемся на месте судебного заседания, где муж протестует против того, что судья, который, будучи посторонним человеком, выносит решения, получает за это зарплату, судит о ситуациях (*добро, зло, измена, верность, эмоциональные состояния, отношения*), на которые он смотрит только извне. Не трудно узнать в этом, с одной стороны, намек на треугольник Пушкина-Натали-Дантеса, с другой — на всех тех, кто это отношение осуждал, осмыслял, каким-то образом тематизировал: так называемый «высший свет», участники салонов и балов. По мнению д'Аша, обязательно надо защитить Пушкина, его эпоху и жизнь от таких писателей, как Битов, которого он с помощью скрытых пушкинских интертекстов выводит в роли Вольтера и барона Геккерна. Битов, по его мнению, препятствует настоящим исследованиям.

Д'Аш свое письмо заканчивает, с одной стороны, цитатой из Евангелия от Матфея, которая адресована лицемерным книжникам и фарисеям, с другой стороны, последними словами псевдостатьи Пушкина: «Жалкий век! Жалкий народ!» В самой последней и самой патетичной части письма Битов представлен как поклонник идеологической интерпретации Пушкина, как безбожник, развивающий варварский культ Пушкина, как книжник, заинтересованный в создании языческого идола, кумира Пушкина.

Хотя корреспондент Битова не называет, какой текст считает последним, но составляет свое письмо так — и в этом играют большую роль скрытые пушкинские цитаты, — чтобы внимательный читатель догадывался. То есть, если читатель не просто читает, но и *прочитывает* его текст, он осознает и может разобраться в замысле д'Аша.

Итак, Битов на вопрос о последнем произведении Пушкина «отвечает» в тексте, построенном с помощью той пушкинской поэтики, которую Битов открывает в написанном им произведении. Одновременно он выделяет для себя из пушкинской поэтики «закон», поэтики-вариаций — диалогичность, множество жанров, тем, героев, языков — и единства. Игра с текстами у Битова превращается в текстовое событие, но со скрыто присутствующей культовой точки зрения дает ей метафизическую перспективу (Пушкин как альфа и омега).

Мы попытались в этом микроанализе показать способ существования, способ функционирования одного из текстов «Пушкинского тома», который в основном является «романом романа», т. е. монтажом пушкинских текстов, объединяющихся из истолковывающих их эссе в имажинарный роман. Монтаж пушкинских текстов, который имеет игровое, полифоническое, многоязыковое, многожанровое начало и который сам варьируется, модифицируется и стремится не к окаменению своего объекта.

Список литературы

- 1 *Битов А.* Предположение жить. 1836 / сост. А.Г. Битов. М.: Изд-во Независимая газета, 1999. 920 с.
- 2 *Битов А.Г.* Моление о чаше (Последний Пушкин). М.: Изд-во Фортуна ЭЛ, 2007. 176 с.
- 3 *Битов А.Г.* Пушкинский том. М.: Изд-во АСТ, 2014. 460 с.
- 4 *Битов А.Г.* Эссе о Пушкине // Новая Газета. 2014. 29 сентября. URL: <http://www.povayagazeta.ru/arts/65485.html> (дата обращения: 15.12.2016).
- 5 *Долинин А.А.* Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М.: Новое изд-во, 2008. С. 198–217.
- 6 *Калавски Ж.* Равнодушная природа как пушкинский мотив в романе Сергея Довлатова «Заповедник» // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. № 56. С. 391–407.
- 7 *Кульг как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель / ред. М.Ф. Надъярных, А.П. Уракова.* М.: ИМЛИ РАН, 2011. 480 с.
- 8 *Пушкин А.С.* Последний из свойственников Иоанны д'Арк // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12: Критика. Автобиография. 1949. С. 153–155.

- 9 *Толстой Л.Н. Живой труп // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. Изд-во Худож. Лит. 1952. Т. 34. С. 5–100.*
- 10 *Шевелев И. Андрей Битов о кризисах Пушкина, теории относительности и все-союзной переписи царей // Российская газета. 2005. 5 апреля. URL: <https://rg.ru/2005/04/05/a59424.html> (дата обращения: 15.12.2016).*
- 11 *Ходасевич В.Ф. О чтении Пушкина (К 125-летию со дня рождения) // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. 572 с. URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0750.shtml (дата обращения: 15.12.2016).*
- 12 *Cultic Revelations: Studies in Modern Historical Cult Personalities and Phenomena // Spectrum Hungarologicum. Vol. 4 / ed. A. Halmesvirta. Jyväskylä, Pécs: University of Jyväskylä, Faculty of Humanities, Hungarian Studies, 2010. 196 p.*
- 13 *Dávidházi P. The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Anthropological Perspective. Basingstoke, London, New York: St. Martin's Press, Macmillan, 1998. 240 p. (Romanticism in Perspective: Texts, Cultures, Histories)*
- 14 *Literature and its Cults. An Anthropological Approach / eds. P. Dávidházi, J. Karafiáth. Budapest: Argumentum, 1994. 270 p.*
- 15 *Kalavszky Zs. "Downkóros. Hatujjú szeráf. Pofon a közizlésnek": Puskin, az isteni és az idióta Tatyjana Tolsztaja Ksss! című regényében // Puskintól Tolsztojjig és tovább...: Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből. Budapest: Argumentum Kiadó; ELTE Orosz Irodalom és Irodalomkutatás Doktori Program, 2006. P. 161–173.*
- 16 *Kalavszky Zs. "Puskin — a kenyérünk, a vérünk, a levegőnk": Mihail Epstejn Új szektárság című könyvéhez // 2000. 2008. April. P. 50–57.*
- 17 *Kalavszky Zs. Ki a múzeumból! El a romoktól! Egy Puskin-“esszeregény” kezdetei Andrej Bitov A Puskin Ház című regényében // Ex Symposium. № 66. 2008. P. 27–34.*
- 18 *Kalavszky Zs. Puskin, Apuskin, Nyepuskin: Andrej Bitov: Puskin fotója (1799–2099) // In honorem Hetesi István 70 / ed. G. Kocsis. Budapest: ELTE BTK “Orosz Irodalom és Irodalomkutatás” Doktori Program, 2012. P. 127–139.*
- 19 *Kalavszky Zs. Recenzió a Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitate! című könyvről / eds. M.F. Nad'iarnykh, A.P. Urakova. M.: IMLI RAN, 2011 // RECITI. 2014. December 25. URL: <http://reciti.hu/2014/2389> (дата обращения: 15.12.2016).*

References

- 1 Bitov A.G. *Predpolozhenie zhit'. 1836* [A proposal to live. 1836], ed. Bitov A.G. Moscow, Izd-vo Nezavisimaia gazeta Publ., 1999. 920 p. (In Russ.)
- 2 Bitov A.G. *Molenie o chashe (Poslednii Pushkin)* [A prayer for the hour (The last Pushkin)]. Moscow, Izd-vo Fortuna EL Publ., 2007. 176 p. (In Russ.)
- 3 Bitov A.G. *Pushkinskii tom* [Pushkin volume]. Moscow, Izd-vo AST Publ., 2014. 460 p. (In Russ.)
- 4 Bitov A.G. Esse o Pushkine [Essay about Pushkin]. *Novaia Gazeta*, 2014, September 29. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/arts/65485.html> (Accessed 15 December 2017). (In Russ.)
- 5 Dolinin A.A. Kak ponimat' mistifikatsiiu Pushkina "Poslednii iz svoistvennikov Ioanny d'Ark" [How to understand Pushkin's hoax "The Last of Jean d'Arc's Connections"]. *I vremia i mesto: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiuu Aleksandra L'vovicha Ospovata* [Time and space: historico-philological collection in memory of the 60 year anniversary of Alexander L'vovitch Ospovat]. Moscow, Novoie izd-vo Publ., 2008, pp. 198–217. (In Russ.)
- 6 Kalavski Zh. Ravnodushnaia priroda kak pushkinskii motiv v romane Sergeia Dvlatova "Zapovednik" [Indifferent nature as a Pushkin motif in Sergei Dvlatov's Sanctuary]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2011, no 56, pp. 391–407. (In Russ.)
- 7 *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitateľ* [Literary Cult as a Phenomenon of Contemporary Literary Process: Author, Text, Reader], ed. Nad"iarnykh M.F., Urakova A.P. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 480 p. (In Russ.)
- 8 Pushkin A.S. Poslednii iz svoistvennikov Ioanny d'Ark [The Last of Jean d'Arc's Connections]. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937–1959. Vol. 12: Kritika. Avtobiografiia [Criticism. Autobiography], 1949, pp. 153–155. (In Russ.)
- 9 Tolstoy L.N. Zhivoi trup [Living corpse]. *Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols.]. Moscow, Gos. Izd-vo Hudozh. Lit. Publ., 1952, vol. 34, pp. 5–100. (In Russ.)
- 10 Shevelev I. Andrei Bitov o krizisah Pushkina, teorii otноситel'nosti i vsesoiuznoi perepisi tsarei [Andrey Bitov on Pushkin's crises, the theory of relativity and the all-Union census of the tzars]. *Rossiiskaia gazeta*, 2005, April 5. Available at: <https://rg.ru/2005/04/05/a59424.html> (Accessed 15 December 2016). (In Russ.)
- 11 Khodasevich V.F. O chtenii Pushkina (K 125-letiiu so dnia rozhdeniia) [On the reading of Pushkin: to the 125 year anniversary]. *Khodasevich V. F. Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Works: in 4 vol.]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. Vol. 2. Zapisnaia knizhka. Stat'i o russkoi poezii. Literaturnaia kritika 1922–1939 [A notebook. Essay on Russian literature. Literary criticism 1922–1939]. 572 p. Available at: http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_0750.shtml (Accessed 15 December 2016). (In Russ.)

- 12 Cultic Revelations: Studies in Modern Historical Cult Personalities and Phenomena. *Spectrum Hungarologicum*, Vol. 4, ed. A. Halmesvirta. Jyväskylä; Pécs, University of Jyväskylä, Faculty of Humanities, Hungarian Studies Publ., 2010. 196 p. (In English)
- 13 Dávidházi P. *The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Anthropological Perspective*. Basingstoke, London, New York, St. Martin's Press, Macmillan, 1998. 240 p. (Romanticism in Perspective: Texts, Cultures, Histories). (In English)
- 14 *Literature and its Cults. An Anthropological Approach*, eds. P. Dávidházi, J. Karafiáth. Budapest, Argumentum Publ., 1994. 270 p. (In English)
- 15 Kalavszky Zs. "Downkóros. Hatujjú szeráf. Pofon a közízlésnek": Puskin, az isteni és az idióta Tatyjana Tolsztaja Kssz! című regényében ["Complete moron. Six-fingered seraph. A slap in the face of public face!" Pushkin idiotic and divine in Tatyana Tolstoy's novel *Kys'*]. *Puskintól Tolsztojjig és tovább...: Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből* [От Пушкина до Толстого и дальше...Собрание трудов по русской литературе и поэзии], ed. Á. Kovács. Budapest, Argumentum Kiadó Publ.; ELTE Orosz Irodalom és Irodalomkutatás Doktori Program [Eötvös Loránd University Faculty of Humanities PhD Programme "Russian Literature and Literary Studies"], 2006, pp. 161–173. (In Hungarian)
- 16 Kalavszky Zs. "Puskin – a kenyérünk, a vérünk, a levegőnk": Mihail Epstejn Új szektárság című könyvéhez [Pushkin is our bread, our blood, our air: About the Book *New Sectarianism* by Mikhail Epstein. The Varieties of Religious-Philosophical Consciousness in Russia]. 2000, 2008, April, pp. 50–57. (In Hungarian)
- 17 Kalavszky Zs. *Ki a múzeumból! El a romoktól! Egy Puskin-"esszéregény" kezdetei Andrej Bitov A Puskin Ház című regényében* [Get out of the museum! Away from the ruins! The beginning of the essay-novel in Bitov's novel *Pushkin House*]. *Ex Symposion*, no 66, 2008, pp. 27–34. (In Hungarian)
- 18 Kalavszky Zs. Puskin, Apuskin, Nyepuskin: Andrej Bitov: Puskin fotója (1799–2099) [Pushkin, Apushkin, Nepushkin. Andrei Bitov's short story "Pushkin's Photograph (1799–2099)"]. *In Honorem Hetesi István 70*. [In honorem Istvan Hetesi 70], ed. G. Kocsis. Budapest, ELTE BTK "Orosz Irodalom és Irodalomkutatás" Doktori Program [Eötvös Loránd University Faculty of Humanities PhD Program "Russian Literature and Literary Studies"], 2012, pp. 127–139. (In Hungarian)
- 19 Kalavszky Zs. Recenzió a *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitateľ'* című könyvről, eds. M.F. Nad'iarnykh, A.P. Urakova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. [Review of *Literary Cult as a Phenomenon of Contemporary Literary Process: Author, Text, Reader* Eds. M.F. Nadyarnyh, A.P. Urakova. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature Press, 2011.] *RECITI*, 2014, December 25. Available at: <http://reciti.hu/2014/2389> (Accessed 15 December 2016). (In Hungarian, with abstracts in English and in Russian)